

Лит. газета. — 1994. — 26 окт. — с. 7.

Юрга ИВАНУСКАЙТЕ:

“Я воспитывалась на Достоевском...”

Беседа с молодым,
но уже известным литовским прозаиком

Кажется, еще совсем недавно выпускница Вильнюсской школы искусств им. М. К. Чюрлениса Юрга Иванускайте выступала на страницах “ЛГ” как начинающий прозаик. Сегодня у нее уже заметная позиция в литовской литературе. И это во времена, когда многие литераторы, и не только в Литве, либо с головой ушли в политику, занялись коммерцией, либо замолкли, не в силах овладеть потоком наступающей новой действительности. По нашей просьбе вильнюсский поэт Виталий Асовский встретился с писательницей и попросил рассказать “о времени и о себе”.

Живать. Не могу сказать, что оказалась брошенной всеми. Меня защищали несколько человек (называли “литовской сестрой Салмана Рушди”), но не столько потому, что они мои коллеги, а просто потому, что они мои друзья. Вообще это был хороший повод испытать, что такое полнейшее одиночество, когда находишься совершенно один перед толпой, даже перед всем обществом. Это также очень хороший повод для разных размышлений, например, об эмиграции — не важно, куда, хоть на край света...

Мои отношения с Союзом писателей — чисто формальные. Я могла отказаться от членства, но это вновь вызвало бы скандал, а я хочу тишины и спокойствия.

В. А. Не кажется ли вам, что писатели, художники, вообще люди искусства в последние годы чересчур политизированы? Это проявляется и в их произведениях, и в непосредственном участии в политике. Вы тоже в первые годы “Саюдиса” принимали активное участие в его деятельности...

Ю. И. Да, люди очень легко поддаются обману, начиная верить, что политика, участие в ней — главное в жизни, что это и есть сама жизнь. Политика создает иллюзию полнокровной и полноценной жизни — люди наркотизируются, бегая по митингам и пикетам, дискутируя на горячие темы, “проглатывая” газеты или не отрываясь от ТВ. Но ведь не так познается и наш внутренний мир, и наш внешний мир. Увы, люди искусства тоже чересчур политизированы. Мне кажется, что уже пришло время каждому заниматься своим делом, хотя во времена “Саюдиса” или, например, в январские дни 1991 года стояла в стороне от политических событий была предательством. Еще несколько лет назад политик был как бы вторым “я” каждого литовца. Сегодня для многих это скорее дурная привычка. Я не говорю о профессиональных политиках. Я вообще не хочу о них говорить. Во времена “Саюдиса” я верила, что Литва может стать исключением в мировой истории, в том смысле, что ее политика будет моральной, этической, человеческой. Многие в это верили, но, оказывается, ни в истории, ни в политике исключений не бывает. Притча о Дракоме, в котором превращается принц, победивший злое чудовище, совершенно верна! Я думаю, что отошла от политики окончательно. Некоторым кажется иначе. Мои действия в защиту оккупированного Тибета (спасибо многим за поддержку), организованные мною пикеты перед посольством КНР они называют политикой. Помнить о страдающем ближнем или дальнем своем — долг каждого. Помогая одному человеку, мы помогаем всему человечеству — и в физическом, и в метафизическом плане. А в Тибете страдает не один, а более шести миллионов. Помните

Джона Донна — по ком звонит колокол... Мне очень жаль, что литовцы так скоро позабыли, что еще недавно сами были в положении тибетцев.

Но я отошла от сути вопроса. Думаю, в ближайшее время хлынет поток произведений, особенно в прозе, которые будут мало чем отличаться от сборников политических статей. Нас ведь все время упрекают, что интеллигенция далека от действительности, и упрекающие уверены, что действительность и есть политика — или наоборот... По мне, лучший “политический” роман, написанный в Восточной Европе, — это “Непосильная легкость бытия” (так ли это по-русски?) Милана Кундеры. И во времена самых бурных политических событий люди влюбляются, страдают от одиночества, радуются пению птиц, смеются и плачут...

В. А. Мне кажется, что “аллергия на все русское” (воспользуюсь вашими же словами) в Литве еще не так давно была весьма болезненной, а в последнее время значительно ослабела, если не сказать, что вообще приняла приемлемый характер. Большим успехом пользуются встречи с российскими актерами, гастроль театров, концерты эстрадных исполнителей из России. Писатели охотнее признаются в том влиянии, которое на них оказала русская литература. Каково было влияние русской литературы, культуры на ваше творчество?

Ю. И. Я отношусь к тем людям, которые внутренне росли и воспитывались “на Достоевском”. Возможно, в моем творчестве это влияние и незаметно, но Достоевского я считаю своим великим Учителем. Другим моим увлечением, любовью или даже страстью был Блок. Герой одного моего романа (“Дети луны”) даже носил прозвище Блок, и половина действия этой книги происходит в Петербурге. Когда-то я весной каждого года ездила в Петербург — чтобы “набраться вдохновения”...

Еще я хотела бы назвать своим Учителем Андрея Тарковского. Его фильмы до сих пор для меня являются одной из высочайших вершин творчества...

Некоторые считают, что большое влияние на мой последний роман оказал Михаил Булгаков, ведь и в “Мастере и Маргарите”, и в “Ведьме и дожде” один из персонажей — Иисус Христос...

Еще люблю Л. Андреева, Гоголя, Набокова, очень многих поэтов — Ахматову, Цветаеву, Мандельштама, Пастернака, Бродского...

Схожу с ума от русских романсов и церковного песнопения. Да, я люблю русский дух, русскую душу, возможно, это у меня в крови. Ведь мой отец был русским, хотя родители развелись, когда мне было три года, и с тех пор я его почти не видела. И, чтобы поехать в Россию, теперь нужна виза...

В. А. Продолжая тему, хотел бы попросить вас поделиться своим мнением по поводу того положения, которое складывается по отношению к русскому языку в Литве. Большинство литовцев сейчас достаточно свободно владеют русским, не утратив при этом богатств родного языка. А вот будут ли ближайшие поколения так же хорошо знать другие мировые языки — английский, немецкий, французский? Полагаю, что при всем желании вряд ли... Так не может ли отказ от русского языка стать одной из причин обеднения литовской культуры, превращения ее в культуру глубокой европейской провинции?

Ю. И. Мне кажется, что вы сами почти ответили на свой вопрос. Литва сейчас усердно отказывается от всего, что связано с Востоком, не только с Россией. Восток для литовца — это теперь только ярмарка и хорошая нажива где-нибудь в Стамбуле, Дели или Пекине. Для литовцев интеллигентных и патриотов — это нечто дикое, примитивное, дышащее диктаторской угрозой. Кажется, что для многих даже умных людей история России начинается в 1917-м и заканчивается где-то в 1990-м. И хотя почти все увлекаются мистицизмом, никто не желает слышать про приближающуюся эру Водолея и воскрешение России... Мы уже не знаем современной русской поэзии, прозы, театра, кино, изобразительного искусства. Предпринимаются даже усилия для того, чтобы отключить русскоязычные ТВ-программы — пусть люди смотрят западные, почти ни слова не понимая... Наша устремленность к Западу очень провинциальна. Да и отношение Запада к нам — увы, как к глубокой провинции. Они заваливают нас третьесортной пищей, одеждой, литературой... Запад несет в Литву культ материальных и только материальных благ. Для того, чтобы купить или продать, конечно, нужен язык — английский, немецкий, французский... Сама я русским пока владею гораздо лучше, чем английским. Находясь в Индии, очень скучала по литовскому языку, но, устав от английского, могла “отвести душу” беседуя по-русски с... молодыми буддийскими монахами из Калькутты, которые учились в монастырях в Дхарамсале (место, где живут тибетские беженцы).

В России, наверное, легче объяснить огромную тягу в Гималаи — Рерихи, Блаватская, Цыбики... Сейчас я читаю тибетские записки внука Льва Толстого — Ильи Толстого... В Литве кое-кто расценивает мою тягу к Востоку как предательство.

Конечно, я хочу вернуться туда, написать книгу о культуре, духовной жизни и религии Изгнанного Тибета. Пока у меня для этого нет денег, но я верю в свою счастливую звезду.

В. А. “ЛГ” читают не только в России и странах СНГ. Литовские писатели, к сожалению, сейчас редко выступают перед такой широкой и заинтересованной аудиторией. С какими заключительными словами вы хотели бы обратиться к читателям “ЛГ”, зная, что они есть и в Литве?

Ю. И. Я хотела бы всем пожелать видеть позитивную, светлую сторону жизни. И в каждом человеке узнавать, прежде всего, друга, а не врага. Я знаю, что это звучит очень банально, но когда этим действительно пытаешься жить, чувствуешь себя как бы вдруг познавшим большую истину.

Его Святейшество Далай-лама говорит, что каждое утро в газетах мы читаем страшные сообщения о кражах, убийствах, изнасилованиях и тому подобном. Но в них ничего или почти ничего не сообщают о тех людях, которые делают добро. Каждый час, каждый день, всю свою жизнь. Их, делающих добро, ведь больше, чем преступников и убийц. Гораздо больше. Я бы хотела пожелать отказаться от многих стереотипов, табу, от нигилизма, от несвободы и поверить, что эта реальность не имеет границ и что жизнь — бесценна. И это отнюдь не общие слова. Все это очень индивидуально. И просто. Ведь все высшие истины находятся в нас самих. В каждом из нас.

ВИЛЬНЮС

Виталий Асовский. Ваше литературное творчество с первых публикаций привлекло внимание и вызвало противоречивые отклики. Но больше всего досталось последнему роману, недавно вышедшему, — “Ведьма и дождь”. Наряду с похвалами прозвучали и обвинения — в претенциозности, в отступлении от национальных традиций, безнравственности, даже в святотатстве. Последнее обвинение предъявила католическая церковь — в лице священнослужителя высокого ранга. Раздались даже требования изъять книгу из продажи, до чего, к счастью, дело не дошло. Впрочем, почти весь тираж был сразу же раскуплен. В чем причина этой бури и какова была ваша реакция на нее?

Юрга Иванускайте. Причина очень простая: люди боятся посмотреть в потаенную глубь самих себя. Ведь если посмотреть, то как в бездну. Даже голова закружится, по словам Войцеха из пьесы Георга Бюхнера. Я попыталась это сделать. И написать об этом. О тех страхах, которые кипят внутри и вокруг нас. Да, иногда они пугают и гораздо легче просто закрывать на них глаза. Одна из моих героинь — Мария Магдалина. Все любят повторять слова Христа: “Кто из вас без греха, первый брось на нее камень”. Тогда, в те стародавние времена, не поднялась ни одна рука. Но в Вильнюсе оказалась целая комиссия людей без греха, которые не только запретили продавать мою книгу, но и забросали меня камнями-словами. Слово тоже ранит. Как камень. Слово может убить. Другая моя героиня — средневековая ведьма (а ведь “ведьма” — от слова “ведать”). Странно, но после появления романа я косвенно испытала и ее судьбу. Могу биться об заклад, что двести или триста лет назад за эту книгу меня сожгли бы на костре на центральной площади города. И все те, кто нападал на меня только словесно, с радостью подбрасывали бы хворост в огонь, уничтожающий “зло”. Третья моя героиня — современная женщина, имевшая “любовный роман” со священником. Но эта линия отнюдь не вымышленная — у героев есть прототипы. То же самое могу сказать и о некоторых других героях — они не вымышленные мною фантомы. И когда читатели спрашивают меня: “Неужели вы опускаетесь на самое дно нашего общества?” — я отвечаю: “О нет, люди, о которых пишу, интеллигентны, они себя называют богемой...”

Вся эта злость, упреки, проклятия, которые выплеснулись на меня и мою книгу, были похожи на попытку разбить зеркало, когда отражение кажется нестерпимо гадким. Но где были и есть все эти “праведники”, “святые”, блюстители народных традиций, а также священнослужители высокого ранга, когда в жизни — сегодня, здесь и сейчас — происходят вещи куда более страшные?! Легче сражаться с книгами, не выходя из кабинета, так как в жизни можешь получить нож в спину или пулю в лоб.

Более всего я не выношу лицемерия, а реакция на мою книгу как раз и была его триумфом. Настоящих критических статей, в которых говорилось бы о стиле, языке, других литературных качествах, почти не было. Всего печальнее, что мы еще так и не стали свободными людьми. Жажда “запретить”, “осудить”, “изъять”, “цензурировать” до сих пор велика. И так мало желания принять, понять, простить, не осуждать, позволить каждому быть таким, каков он есть, — пусть “другим”...

В. А. В те дни, когда вы защищали свою книгу, поддержал ли вас Союз писателей Литвы? Коллеги-литераторы? Как-то вообще ваши взаимоотношения с Союзом писателей?

Ю. И. О, нет! Ни Союз писателей, ни ПЕН-клуб Литвы и пальцем не пошевелили в мою защиту. Даже наоборот. Некоторые были откровенно рады тому, что со мной произошла вот такая история. Некоторые... завидовали, так как скандал, по их мнению, — самая лучшая реклама. Все как-то забыли, что я — живой человек, с сердцем и нервами, что у меня есть близкие, тоже не каменные, а способные пере-